

М.А. Липкин. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016, 560 с.

Актуальность теме исследования директора Института всеобщей истории РАН д.и.н., проф. РАН М.А. Липкина придают современные проблемы европейской интеграции. Трудный процесс принятия Конституции Европейского союза (ЕС) показал, что эра восторгов прошла и многие граждане ЕС хотели бы снова жить в своих отдельных национальных квартирах.

Как справедливо отмечает М.А. Липкин, ни отечественная, ни зарубежная историография не дают ответа на вопрос: почему Советский Союз упустил возможность в 1940–1960-е годы стать полноправным участником европейских сообществ, подписать Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) или хотя бы получить статус ассоциированного члена во Всемирной торговой организации (ВТО) и Международном валютном фонде (МВФ).

Нижняя хронологическая граница исследования — середина 1940-х годов, когда уже велись переговоры между союзниками по антигитлеровской коалиции о создании Организации Объединенных Наций (ООН), о восстановлении экономики европейских государств. Верхняя — 1969 год: для Восточной Европы он ознаменовался XXIII (специальной) сессией Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), принявшей решение о разработке Комплексной программы социалистической экономической интеграции стран СЭВ, утвержденной в 1971 г. Для Западной Европы 1969 г. стал знаковым для преодоления внутренних противоречий, мешавших интеграционному развитию: отставка Ш. де Голля с поста президента Франции и решение «шестерки стран» о начале подготовки третьего раунда переговоров с Великобританией на Гаагском саммите, знаменовали новый этап в развитии Европейского сообщества.

В работе над монографией М.А. Липкин использовал документы Российского государственного архива экономики, Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук, Российского

государственного архива новейшей истории и других хранилищ. Массив новых источников позволил автору построить системное и последовательное исследование, рассмотреть ранее неизвестные факты и по-новому взглянуть на малоизвестные страницы внешней политики СССР в отношении европейских государств и США (с. 9–18).

Монография состоит из четырех глав, введения и заключения. Первая глава посвящена планам послевоенного устройства мира и перспективам европейской интеграции в 1940-е годы. Рассматривается роль СССР в становлении глобальных международных экономических институтов, региональное сотрудничество и первые проекты интеграционных объединений в годы войны, организация и функционирование Администрации помощи и восстановления Объединенных наций (ЮНРРА), позиция СССР в отношении первых общеевропейских организаций, отношение СССР к «Плану Маршалла», значимость для СССР западных кредитов и проблема их получения, создание Совета Европы и планы объединения Европы на рубеже 1940–1950-х годов.

М.А. Липкин на основе анализа архивных документов показал, что СССР активно участвовал в выработке послевоенного «мирового экономического порядка» в виде институтов Бреттон-Вудской системы и был близок к интеграции в мировую финансовую систему, что до сих пор многие исследователи не замечали. Необходимость в кредитах толкала СССР к сотрудничеству с западными союзниками после окончания Второй мировой войны. Несмотря на наличие проблем в экономике, разрушений в ходе войны хозяйственных объектов представители СССР на переговорах о создании МВФ смогли добиться наиболее благоприятных условий членства в этой организации, что позволило Советскому Союзу занять место третьей мировой финансовой державы после США и Великобритании. Интерес советского руководства к участию в Международной торговой организации и ГАТТ был

гораздо слабее. Главным партнером СССР в планировании послевоенного устройства Европы и мира выступали США. По содержанию эти проекты интересовали СССР только в сфере финансово-экономического сотрудничества в рамках ООН. Как свидетельствуют архивные документы, советские дипломаты направляли усилия против британских планов собрать из малых стран Европы систему интегрированных субрегиональных блоков. Однако интерес в сохранении союзнических отношений с Лондоном в тот момент возобладал над желанием создания южнославянской федерации на основе партизанских движений Югославии и Болгарии. От этого проекта пришлось отказаться.

На новых архивных материалах М.А. Липкин доказал, что Советский Союз приглашался к участию в первых проектах европейских экономических организаций. Однако СССР в те годы не был заинтересован в усилении многосторонних экономических европейских организаций и в создании панъевропейских интеграционных образований. Москва не видела угрозы своим экономическим интересам в сближении западных стран, например, по таможенным вопросам. Советские эксперты не верили в реальность появления нового центра силы в виде «объединенной Западной Европы». По мнению автора монографии, прагматический подход Москвы к созданию панъевропейских структур в 1945–1946 гг. не позволил СССР сыграть важную роль в европейском движении, наибольшие шансы для которого имелись в случае участия в Европейском угольном комитете. СССР, несмотря на успешную игру на противоречиях западных держав и предложения со стороны Запада создать с СССР альтернативные структуры, занял негативную позицию в отношении общеевропейской интеграции. Обманувшись в надеждах получить кредиты, СССР громко хлопнул дверью после Парижской сессии министров иностранных дел, летом 1947 г. обсуждавшей «план Маршалла» Европейская интеграция воспринималась Москвой как пропагандистский ход для прикрытия военно-политической интеграции стран Запада против СССР и государства Восточного блока. Между тем СССР проявлял прагматизм и подписал торговое соглашение с Бельгийско-люксембургским экономическим союзом.

Во второй главе рассматривается европейская интеграция и «экономика холодной войны», советская политика в области международной торговли в начале 1950-х годов. В первом параграфе анализируются противоречия между центробежными и центростремительными факторами в Европе, обстоятельства

создания Координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ), Комиссии СЭВ по координации торговли с капиталистическими странами и развитие межъевропейской торговли. Второй параграф посвящен Московскому экономическому совещанию 3–12 апреля 1952 г. М.А. Липкин анализирует цели, задачи, итоги этого мероприятия. Большая часть главы посвящена изучению истории этого экономического совещания, незаслуженно забытой отечественной и зарубежной историографией. Автор подчеркивает, что СССР провозгласил торговлю средством мирного сосуществования и тем самым попытался приоткрыть «железный занавес» и предотвратить углубление военно-политической интеграции стран Западной Европы (с. 227–228).

В третьей главе отображены результаты исследования отношения СССР к интеграционным процессам в Европе в период «мирного сосуществования» в середине 1950-х – середине 1960-х годов. Рассматриваются история общеевропейского проекта коллективной безопасности в Европе, роль экономического сотрудничества в новой политике «мирного сосуществования» 1954–1956-х годов, дискуссии по внешнеполитическим вопросам, связанным с выработкой отношения к Римскому соглашению 1957 г. Автор рассматривает двусторонние отношения СССР с Великобританией; изучает инициативы Москвы в 1960 г. в отношении сотрудничества с европейскими странами; анализирует проект советско-финляндского союза свободной торговли и проблемы его реализации. В главе исследуются явления и проблемы реорганизации СЭВ – как СЭВ перестал быть только европейской организацией. М.А. Липкин определяет значение Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) в политике Москвы, сопоставляет тенденции развития Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и «Общего рынка» в 1961–1964 гг., рассматривает проблему западных кредитов в контексте общеевропейского сотрудничества в первой половине 1960-х годов.

Хрущевская «оттепель» раскрепостила умы экономистов и дипломатов, позволила по-новому взглянуть на внешнеполитические реалии, критически оценить собственные успехи и неудачи. М.А. Липкин проследил эволюцию экспертных оценок от негативного насмешливо-пренебрежительного до конструктивного и вдумчивого подхода к западноевропейской интеграции. Дискуссия 1957 г. среди советских экспертов показывает, что рассматривалось несколько вариантов действий, была настоящая творческая дискуссия по обсуждаемым вопросам. Некоторые

эксперты предлагали заимствовать западно-европейский опыт и частично применить его в Восточной Европе. В результате увеличилось число контактов и консультаций советских дипломатов с западными партнерами.

Выработку нового прагматического политического курса мешала крайняя персонализация внешней политики и разросшаяся бюрократическая машина, которая топила большинство разумных нововведений. Несмотря на это, у новой советской внешней политики, по мнению автора, были существенные достижения. К ним М.А. Липкин относит получение долгосрочного британского кредита в середине 1960-х годов, что положило конец кредитной дискриминации стран Восточной Европы и обострило конкуренцию между ЕАСТ и ЕЭС. Еще одним достижением является создание в 1964 г. Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Советский Союз рассматривал эту организацию в качестве инструмента борьбы с замкнутыми экономическими группировками в Западной Европе (с. 413—414).

В 1960 г. советское руководство сделало ряд шагов для закрепления конкретных результатов мирного сосуществования в экономической сфере. Автор полагает, что это был второй шанс для Москвы после «открытия Европы» в 1954 г. Одно из мероприятий политического курса Москвы — неудачная попытка радикально изменить характер Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН в плане превращения этого органа в мотор общеевропейских объединительных процессов начала 1960-х годов (с. 323).

В министерстве иностранных дел СССР полагали, что усиление конкуренции между ЕАСТ, ЕЭС и США будет стимулировать интерес Запада к выходу на рынки социалистических стран. В этой связи шла подготовка общеэкономических структур Восточной Европы. В июне 1962 г. СЭВ принимает изменения в свой Устав и из европейской организации превращается в субрегиональную евразийскую, приобретя нового члена — Монголию. Как полагает М.А. Липкин, это приобретение было геополитическим, а не экономическим. В первые годы СЭВ был больше похож на политическую организацию, чем экономическую. В его основу была заложена аморфная система двухсторонних соглашений, не предполагавших наличия устава организации. Отсутствовали долгосрочное планирование и координация экономической деятельности членов СЭВ. В 1954 г. создаются первые пятилетние планы; с этого времени проводятся встречи руководящих работников планирующих органов стран СЭВ. После Московского

совещания СЭВ 1962 г. происходит более глубокая специализация и разделение труда стран СЭВ. Но дальнейшие попытки реформирования СЭВ Н.С. Хрущевым не вызвали одобрения ряда членов этой организации. Из-за опасения раскола проекты реформ пришлось отложить (с. 353, 359, 411).

Советский Союз извлекал выгоду из конкуренции между капиталистическими странами и экономическими группировками. Это позволяло СССР и европейским соцстранам вписаться в общеевропейскую систему международной специализации и разделения труда (с. 364).

В четвертой главе М.А. Липкин рассматривает интеграционные процессы второй половины 1960-х годов. Автор анализирует внешнеполитические приоритеты советского руководства, противоречия в развитии СЭВ во второй половине 1960-х годов. Проблемы и перспективы развития интеграции социалистических стран в военной сфере выделены в отдельный параграф. В главе отражены результаты исследования двусторонних внешнеэкономических связей СССР и развитых стран капиталистического мира; показано влияние чешского и китайского факторов на советское восприятие интеграционных процессов в Восточном и Западном блоках (с. 495—496).

На основе анализа архивных документов М.А. Липкин пришел к выводу, что СССР явно делал ставку на модернизацию СЭВ до уровня ЕЭС, возможно с целью установления контактов на равных в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Однако позиции стран СЭВ были различны: румынское руководство желало оставить все так, как есть, а польское — стремилось к интеграции в глобальный рынок капиталов и услуг. Политическая интеграция пошла по пути совершенствования структур Организации Варшавского договора (ОВД). Автор убедительно доказывает, что пражский и китайский фактор привели к активизации внешней политики. Происходило укрепление блоковых структур, усиление политической интеграции в системе ОВД и экономической интеграции в рамках разработки программы «комплексной социалистической интеграции».

М.А. Липкин показывает ситуацию, когда СССР стал отдавать системе «мирового социализма» больше, чем получать от нее. При этом Москва теряла поддержку соцстран и проводила политику себе в убыток. Советское руководство пыталось продолжить курс Хрущева в области интеграции промышленного производства стран СЭВ. Автор опровергает тезис западного исследователя В. Зубока о дрейфе

советского руководства в международных отношениях. Российский историк отмечает значительный рост во второй половине 1960-х годов контактов представителей Востока и Запада: официальные и неофициальные визиты высокопоставленных лиц и делегаций, проведение коллоквиумов, конференций, служивших трибуной обмена мнениями и способом сближения позиций.

Разумеется, монография М.А. Липкина не лишена недостатков. За рамками исследования остался вопрос о роли военного фактора в становлении тех или иных моделей интеграции в Западной и Восточной Европе. Продолжает оставаться малоизученным процесс восточноевропейской военно-политической интеграции, связанный с деятельностью Политического и консультативного комитета ОВД и ролью политических совещаний в рамках этой организации во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов. Из поля зрения ученого выпал существовавший с 1973 по 2011 г. Западноевропейский Союз (ЗЕС) — военно-политическая

интеграционная структура, которая до 1973 г. считалась едва ли не альтернативой континентальной «шестерке» стран «Общего рынка» (ввиду участия в ней Великобритании).

Прочтя монографию М.А. Липкина, российские историки обогатят свои знания малоизвестными и важными для понимания хитросплетений мировой политики фактами и оценками, которые они смогут использовать в научной и преподавательской деятельности. Для современной политической элиты России основными уроками, которые можно извлечь из книги ученого, являются необходимость постоянного совершенствования механизма принятия решений, выработка адекватной поставленной цели стратегии и тактики планирования внешнеполитического курса, правильное понимание государственного и национального интереса.

В.В. Зубов,
кандидат исторических наук,
Финансовый университет при
правительстве РФ

М.Ц. Арзаканян. ДЕ ГОЛЛЬ. М.: изд-во «Молодая гвардия», 2017, 301 с.

Книга о генерале де Голле известного российского ученого-франковеда доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН М.Ц. Арзаканян, вышедшая вторым изданием, связана с появлением за последние 10 лет новых материалов о выдающемся политике XX в. Конечно, это, главным образом книги о тех или иных аспектах жизни де Голля, вышедшие во Франции. В России же появился важнейший источник о деятельности генерала в годы Второй мировой войны. Речь идет о публикации на сайте Министерства иностранных дел РФ огромного корпуса материалов из Архива внешней политики РФ (АВПРФ), относящегося к 1940–1945 гг. Документы были обнародованы в 2015 г. — к 75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Именно ранее недоступные материалы из АВПРФ позволили автору несколько расширить свое исследование. Напомним, что отношения между СССР и Францией никогда не были столь тесными как во время Второй мировой войны.

В предисловии М.Ц. Арзаканян указала, что ставила перед собой цель — «воссоздать жизнь и деятельность самого великого француза XX в. год за годом, обрисовывая портрет

де Голля — политика и человека» (с. 7). На наш взгляд, ей это прекрасно удалось.

Первую часть книги — «Военный» — М.Ц. Арзаканян посвящает формированию де Голля как личности, как военного, как политика. Она пишет, что будущий президент вырос в семье, где царил дух национализма и католицизма. Еще с детства Шарль усвоил от отца, что история Франции — это прежде всего история французской нации, ее войн с другими нациями, побед и поражений, удач и невзгод. С раннего возраста он навсегда запомнил старинный девиз: «Лучше погибнуть на войне, чем увидеть несчастья своей отчизны» (с. 11). Автор раскрывает образ молодого де Голля не только как военного, но и одаренного от природы историка и литератора. В книге подчеркивается, что с отрочества и юности его интересовало все: поэзия, художественная литература, труды по истории и философии (с. 18). На складывающееся мировоззрение де Голля оказали сильное воздействие его знаменитые современники — мыслители Анри Бергсон и Эмиль Бутру, литераторы Шарль Пеге и Морис Баррес. В философии интуитивиста Бергсона молодому военному импонировала идея о том, что на ход истории накладывает отпечаток энергия выдающихся людей (с. 19). В межвоенный период де Голль и сам написал четыре книги, в которых чувствовалось